

В деревне — красота России

Что говорить: оскудела русская деревня, не стало делового мужика, которого всегда отличал хозяйский подход к матушке-земле — будь то пахота или сев, жатва или сенокос. Сейчас редко встретишь деревенского жителя, умеющего запрячь лошадь, насадить косу, сплести корзину для огорода или лукошко под грибы. Тяжело больна наша деревня. Прошлые ошибки с коллективизацией и индустриализацией сказываются и поныне. Будто после военной разрухи стоят дома с заколоченными крест-накрест окнами. Кое-где на завалинках увидишь дряхлых старух, доживающих в трудах и заботах свои дни без детей и внуков, вспоминающих былое время: большие стада коров, крик горластых петухов, весёлый перезвон колодезных цепей, смех босоногих ребятишек. Но не ржут по ночам на лугах лошади, не звенят вечерами гармошки. Застыли в скорбном молчании повсеместно разрушенные храмы. Молчит и печалится русская деревня.

Пожалуй, большой ошибкой в развитии колхозного движения было укрупнение колхозов, Это в известной степени ускорило разорение исторически сложившихся народных традиций, культуры, ремёсел, обычаев. Скажем, испокон веков деревня, имеющая свою церковь (считавшаяся селом), имела и свой престольный праздник, осиянный ликом святого или святых. Так, селу Усолье принадлежало два праздника — Спаса и великомучеников Бориса и Глеба. По старому завету работать в эти дни считалось большим грехом... Усольский колхоз не годился для укрупнения, и его просто ликвидировали, основав на его базе подсобное хозяйство Купанского торфопредприятия. И вот что удивительно: земельные наделы, находившиеся в собственности колхоза и возделывавшиеся усольским мужиком под хлеб и гречиху ещё в прошлые века, заняли посадками сосны. А сейчас у совхоза не хватает пахотных земель. И если заработают статьи и механизмы законов о земле и собственности, то вряд ли поселковый Совет сможет выполнить то, что записано на бумаге: землю — крестьянам!

Каждый раз, когда я прохожу по древнему посаду села, идущего параллельно течению реки, прихожу к одной мысли: нет, это село, исчезнувшее с карты района, но всегда присутствующее в разговорах, никогда не станет бесперспективным. Вот и ещё дача появилась. Да, людей в древнем селе хватает: жаль, что мало остаётся коренных жителей-усольцев с особой речью и характером, свойственным только им. Сохранилось у усольцев и любимое занятие: рыболовство. Ещё в старину рыба спасала крестьян в период летних постов или неурожая.

Теперь на грани вымирания находятся некоторые ремёсла: плетение корзин из ивового прута или липовой дранки, изготовление мочала, бондарное производство. А о кузнечном мастерстве теперь говорить поздно: последний кузнец в селе умер лет тридцать назад, а кузница его сгорела. Не только это село забывает свои традиции: по району таких вот селений наберётся целая сотня, а в России — со счёту можно сбиться. Сейчас направляются усилия на возрождение деревни в целях решения продовольственного вопроса. Но сельский быт, культура, традиции должны иметь общую точку соприкосновения и одно русло действий. Иначе нас ждёт беспробудная бездуховность, безнравственность, сплошное бескультурье и воцарение хама. Человек, не умеющий ценить народные традиции, превратится в робота, и самоцелью в жизни станет зарабатывание денег, материальных ценностей. Словно через призму оптического обмана мы будем смотреть на некогда живописные места Переслав-

щины, родного села и никогда не сумеем понять до конца самое сокровенное, что красота России — в деревне!

И пусть наша жизнь с каждым годом меняется, но тяжкие ошибки века научно-технической революции никак нельзя забывать.

Те годы, которые для нас казались героическими, породили в районе проблемы сохранения окружающей среды. Уже сейчас мы стоим перед вопросом: как спасти колыбель русского флота — озеро Плещеево? Непродуманные проекты осушения болот в его бассейне дали о себе знать несколько десятков лет спустя, когда в озере появились первые сине-зелёные водоросли. Как грибы росли в те годы торфопредприятия — Купанское, Мшаровское, Талицкое, Берендеевское, Ивановское, Батьковско-Ольховское. Несомненно, они стали кладовыми солнца, питали десятки теплоэлектростанций, но и вред нанесли такой, что на спасение изувеченной природы надо потратить столько же средств, сколько взято.

Ещё есть в селе Усолъе старожилы, которые помнят великое Купанское болото и корабельный сосновый бор на Песчанке (месте, где вырос современный посёлок Купанское). Усолъцы купанской трясины очень боялись (кстати, болото до 1934 года в обиходе называлось по-иному), и есть поверье, что жители села Усолъе не знали, что на другой стороне болота тоже живут люди.

Года два назад, собирая материал о Пришвине, зашёл я в гости к Николаю Ивановичу Башмакову. Слово за слово, поведал он мне то ли притчу, то ли быль, а скорее — историю, рассказанную его отцом. Это было в давние времена. Точную дату назвать трудно, но в Усолъе уже соль не добывали, этот нужный продукт обычно выменивали на ярмарке в Переславле-Залесском. Несколько подвод снаряжали усольские крестьяне в старинный город. В очередной вояж поехал и кузнец Епифан. Там он встретил мужика, тоже кузнеца. Как говорится, кузнец кузнеца увидел издали. Разговорились они, и Епифан спросил незнакомца, из каких он мест. Рассказал мужик всё по порядку.

Поедешь по дороге, слева — монастырь, немного погодя гора — место, где останавливался великий русский князь, с неё хорошо видно озеро Плещеево. Дальше лес, пить захочешь — жажду утолит родник, а там и село покажется, речка недалеко от него протекает, и болото непроходимое с дремучим лесом.

Почесал Епифан затылок: уж больно напоминает тот путь, по которому он поедет домой, Но дорога у них была разная: один ехал в Купань, другой — в Усолъе. По разным берегам Плещеева озера. (Думаю, читатель поймёт, по каким местам проходили дороги двух русских мужиков.)

Кто знает, может, в этой истории и есть доля правды. Но смысл её таков: велика наша Россия. И как мало мы знаем о больших и малых достопримечательностях Залесского края. И это лишь оттого, что слабо в школах района развито краеведческое движение, на низком уровне находится нравственное, эстетическое, культурное воспитание. В разорении села сыграли роль непродуманные решения и постановления центра, оставившие деревню и без рабочей силы, и без той самобытности, при которой деревня должна оставаться деревней, а не «имением» дачников.

Что стало с селом Усолъе? Читатель скажет: вроде ничего. Стояло оно пять веков и ещё сколько-то простоит, если мы, живущие, не повторим непоправимых ошибок прошлых лет. Для некоторых людей село — родина, для других — дача, для немногих — уголок творчества и вдохновения.

В сороковые годы в Усолъе жил великий знаток природы, русский писатель Михаил Михайлович Пришвин. Во многих своих произведениях он упоминает село Усолъе, живописные места Залесья. С конца пятидесятых годов живёт и работает в Усолъе российский художник Иван Васильевич Сорокин. Бродит (не с ружьём, как бывало Михаил Михайлович, а с альбомом или небольшим этюдником) по тем же лесным дорогам, дружит с усольскими коренными жителями, размышляет, наблюдает, справедливо полагая, что быть у земли, среди людей, вблизи родников поэзии — великое счастье. И не может быть иначе.